

С.В. Новиков

Быт, хозяйственные занятия и служба линейных казаков в XIX столетии. На примере станиц Южного Прииртышья.

В XIX в. жизнь в сибирских казачьих селениях в основном протекала мирно и спокойно. Строевые казаки занимались военной подготовкой, участвовали в смотрах, несли караулы, а часть времени занимались личным хозяйством.

Жалованье казаков «Положение» от 1808 г. определяло в 6 руб. 1,5 коп. денег, 3 четверти муки, 7 четвертей овса и на заготовление сена, из расчета 2 коп. за пуд, 2 руб. 10 коп. При походе за границу на расстояние свыше 5 верст, а внутри государства более 500 верст, казакам полагалось платить по 11 руб. 88 коп, в год и давать солдатскую норму круп по 1,5 гарнца в месяц. К тому же казачьи дети с двухлетнего возраста и до поступления на службу получали провиант: 1,5 четверти муки в год.

Естественно, важнейшим источником благосостояния казачьей семьи, после жалованья, было земледелие и скотоводство. Причем земледелию казаков отводилась агитационно-пропагандистская роль, так как к последнему казаки не тяготели.

Во-первых, длительное использование крепостных и присылаемых на линии городских казаков на строительных и иных работах не давало им возможности заняться хлебопашеством.

Во-вторых, при вновь открываемых укреплениях далеко не всегда имелись хлебопахотные места или их достаточное количество.

В-третьих, хорошо известен тот факт, что целиком и полностью отвод земли Сибирскому казачьему войску не был завершен вплоть до 1917 г.

Немногочисленные, но вполне достоверные документы свидетельствуют, что земледелие для линейных казаков в первой половине XIX в. не было даже тем самым основным подспорьем, каковым оно было для их предков, казаков в XVII и начале XVIII вв.

Если обратиться к семейным спискам казаков, зачисленных в образцовый полуэскадрон в 1831 г., то, например, из 20 чел., отправленных из 1-го полка, ни в одной семье не имелось пашни. Из 25 представителей 2-го полка только 9 занимались хлебопашеством; из 22-х человек от 3-го полка ни у одного не было задела хлебопашества; из 15 чел. от 4-го полка хлебопашество было отмечено только у одного; из 6-го полка ни один из 21 чел. пашни не имел; в 7-м полку из 14 чел. пашню пахали только пятеро. Дело в том, что в первой половине XIX века землю возделывали – пахали – самодельной кривой сохой с железным сошником, труд это был тяжелый, требовавший нечеловеческих затрат.

Таким образом, применительно к первой половине XIX века, можно с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство казаков в станице Черлаковской как и в других населенных пунктах иртышской линии хлебопашеством вообще не занимались. Для них гораздо привлекательнее

выглядели разного рода промыслы и традиционное в степных районах скотоводство. Тем более, что скотоводство не требовало таких трудозатрат, как работа на пашне, и не было жестко связано с циклами сельскохозяйственных работ.

Поэтому в казачьих хозяйствах нередко было по 20 и более голов крупного рогатого скота. Так, скажем, семья Тара Зеленина (2-й полк), состоявшая из престарелых родителей 70-ти и 65 лет, взрослых сестры и брата, имела в 1831 г. 20 лошадей, 100 голов крупного рогатого скота и 30 овец.

Как и в прежние времена, имелась категория казаков (о которой почему-то скромно умалчивает наша историческая традиция), вообще не хотевших заниматься каким бы то ни было хозяйством. Это были не один-два человека, а слой, избравший для себя подобный полунищенский образ существования и вполне им удовлетворенный. Объяснить выбранную манеру поведения можно и тем, что казаки являлись служивым сословием.

Вывод в 1808 г. из Сибири полков регулярной армии привел к тому, что Сибирское казачье войско осталось единственной военной силой на пограничной линии. Перед командованием войска встает проблема увеличения численности казачьих частей. Это предусматривалось и штатом Сибирского линейного казачьего войска, принятым в 1808 г. Отсюда – другая выгода перекочевки казахских аулов на российскую территорию: желающих казахов начинают зачислять в казачье сословие.

На рубеже веков начинается и выезд сибирских казаков в киргизскую Степь по своим хозяйственным нуждам. В 1801 г. казаками было получено официальное разрешение правительства на выезд в «заграничную сторону» для ловли рыбы и сбора дикорастущего хмеля. В 1803 г. Было разрешено сенокосение и выпас табунов на левобережной стороне Иртыша. Отметим, что «спокойствия» в Степи в этот период еще не было и командование войска разрешало выезд в «заграничную сторону» лишь целым отрядам добровольцев, под руководством представителя командирского состава.

С 1798 г. указом Павла I казахским родам, принявшим российское подданство, разрешалось кочевать на внутренней стороне Сибирской приграничной линии. С 1800 г. с казахов начинают взимать за кочевку на войсковой территории так называемую ремонтную пошлину – «с каждой сотни лошадей по одной для ремонта драгунских полков, а прочего скота по одному проценту в пользу полковых госпиталей». В данном случае был использован опыт китайских чиновников, разрешивших в 60-х гг. XVIII в. «киргизам Средней орды кочевать в джунгарских степях с платою. В 1808 г. регулярные войска, находящиеся на линии, были выведены из Сибири, доходы от «ремонтной пошлины» стало получать Сибирское линейное казачье войско. За шесть лет с 1814 по 1820 г. от взимания пошлины казачьему войску доход составил деньгами – 45.557 рублей, лошадьми – 1470. Поступивших от «ремонтного сбора» лошадей иногда раздавали «преимущественно казакам самого бедного состояния»...

Естественно, отношения в зоне соприкосновения двух народов с различным бытом, культурой, традициями, хозяйственными отношениями не могли протекать гладко.

Например, в июне 1822 г. командующий казачьим войском гвардии полковник Броневский констатировал, что «по следственным делам, поступающим от господ комендантов и дистаночных начальников ... открывается много случаев, что линейные казаки, по малоимению в границах российских сенокосных мест и лесу для рубки дров, отправляются для сей надобности за границу и там-то, не имея за собой надлежащего надзора, действуют самопроизвольно, отнимая у киргизов сенокосные места, производя порубку леса, отчего между киргизами и казаками происходят частые неприятности и даже драки».

Споры о праве владения земельными и иными угодьями, если они не перерастали в открытые конфликты, можно считать вполне естественным явлением времени – объяснимым процессом дальнейшего становления и формирования Сибирского казачьего войска и появлением третьего участника отношений – крестьянина, чьи земли также нередко становились предметом споров.

А между тем степь пылала очагами сопротивления, крупнейшим из которых было выступление Кенесары Касымова, в борьбе с которым участвовали и казаки станицы Черлаковская и ряд казахских родов, принявших подданство Российской Короны.

Казаки, проживающие на территории современного Черлакского района в эти годы, относились к 5 казачьему полку Сибирского линейного казачьего войска. Сведения об их численности в указанный период отрывочны и не всегда однозначны. На основании месячных ведомостей за сентябрь 1827 г. о расположении войск можно констатировать, что в «в редуте Соляном размешалось 118 казаков и их начальников относящихся к Четвертому эскадрону», а в «редуте Атмасском – 131 казак Пятого эскадрона». Оба эскадрона относились к Пятому казачьему полку, насчитывавшему уже в 1846 г. 148 обер и унтер-офицеров, 1008 казаков, 105 малолеток 19-летнего возраста годных на службу. Также отставных насчитывалось: 99 обер и унтер-офицеров, 447 казаков. Малолетних детей до 19 летнего возраста 1039 душ.

К 30-м годам XIX в. в Сибирском линейном казачьем войске сформировался офицерский корпус. Офицерами становились выходцы из рядового казачества, прошедшие обучение в войсковом училище. По отзывам командующих, Сибирским корпусом, «между ними и других войск офицерами, особенно Оренбургским и Уральским, на счет образованности большое различие». Вместе с тем, находясь на положении строевых офицеров регулярной армии, т. е. будучи постоянно на службе, они получали не действительные офицерские чины (за исключением тех, кто получал их особыми указами), а чины зауряд. Таким образом, казачьи офицеры не имели соответствующих чину прав и преимуществ, хотя, находясь на службе, должны были содержать себя «прилично чину

офицерскому» на жалование, установленное Штатом 1808 г., что составляло 50% от окладов армейских офицеров. Кроме этого оклада, у офицеров Сибирского войска имелся еще и земельный надел: от 200 до 400 десятин земли, но постоянная служба не оставляла времени на личное хозяйство. Поэтому правом на получение участков до начала 1860-х гг. не пользовался ни один офицер. При выходе же в отставку пенсии и льгот казачьим офицерам не полагалось.

Применительно к населенным пунктам, расположенным на территории будущего Черлакского района состав населения определялся собственно казаками с их семьями, лицами, зачисленными в казачье звание и «душами крестьян смежных казенных селений». Таким образом, в 1846 г. в редуте Изылбашской проживало 292 души, из них 150 собственно казаков, 133 казенных крестьян причисленных к войску; в редуте Соляной 219 душ, из них соответственно 178 и 41; в редуте Елизаветинском 162 души, все казачьего сословия; в редуте Черлаковском проживало 330 душ, из них соответственно 195 казаков и 135 казенных крестьян, причисленных к войску, в редуте Атмасский проживало 298 душ, все казаки, а в деревне Атмасская 182 души казенных крестьян причисленных к войску.

В 20-30-е гг. был положительно решен вопрос о придании казачеству функций относящихся к полицейским. Командующий корпусом обратился с просьбой на высочайшее имя о разрешении «обязанность исправления внутренней гражданской стражи в областном г. Омске, позволить заменить казаками Сибирского линейного казачьего войска, вместо жандармов». Вопрос был решен положительно в мае 1824 г., и казаки выполняли обязанности внутренней стражи, определенные еще положением, утвержденным 4 сентября 1816г., а именно:

- в помощь исполнению законов и приговоров суда;
- на поимку воров, преследование и истребление разбойников;
- на усмирение неповиновений и буйства;
- на поимку беглых ушедших преступников и дезертиров;
- на преследование запрещенных и тайно привезенных товаров;
- на помощь свободному движению внутреннего продовольствия;
- на содействие к сбору податей и недоимок, исключая подать ясачную, к взысканию коей употребляются сибирские городовые казаки;
- на охранение порядка и спокойствия церковных обрядов всех исповеданий, законом терпимых;
- на охранение порядка на ярмарках, торгах, народных празднествах;
- на принятие и провожение рекрут;
- на отправление военных, просрочивших отпуска, к их командам;
- на пожары, помощь при разлитии рек и тому подобное;
- на отражение нужных часовых к присутственным местам и острогам;
- на провожение казны.

Естественно, выполнение указанных задач, не способствовало хозяйственному росту казачьих станиц. Середина XIX века была занята поиском тех промыслов, которые давали бы войску устойчивую прибыль.

Так, по ходатайству П. М. Капцевича, Государь в 1821 г., «желая оказать помощь в содержании Сибирского линейного казачьего войска, высочайше повелел дозволить казакам одного войска выламывать ежегодно с Коряковских озер 15 тыс. пудов соли без платежа в казну пошлин для соления рыбы, ловимой на Бухтарминских промыслах». Тут же подчеркивалось, чтобы казаки ни в коем случае не превышали нормы и не торговали добытой солью.

Наиболее ранним по времени (с 24 ноября 1798 г.) и постоянным источником пополнения войсковой казны была «казенная рыбалка». С конца XVIII в. и вплоть до 1861 г. характер организации рыбного промысла и способы извлечения из нее дохода постоянно изменялись. Существовало два основных варианта эксплуатации «рыбалки»:

- рыбный промысел осуществляли вольнопромышленники, а войско получало с них определенную пошлину;

- рыбную ловлю производило исключительно само войско.

Остановимся на некоторых конкретных моментах, характеризующих данный источник войсковых доходов. Войсковая Бухтарминская рыбалка располагалась с устья р. Нарым до оз. Нор-Зайсан, на расстоянии ок. 160 верст. В разных местах здесь устраивались казачьи пикеты, с тем, чтобы ни один рыбопромышленник не мог беспошлинно проводить свой улов. Пикет главного смотрителя рыбалки располагался на острове Батовском. В начале 1821 г. в войсковой канцелярии состоялось совещание, «Каким образом устроить рыбный промысел Бухтарминский так, чтобы онный приносил доходов более войску, нежели прежде».

Поскольку до начала весеннего промысла оставалось совсем немного времени, то в 1821 г. решили все оставить по-старому, то есть «допустить свободный промысел казакам, а со сторонних сословий людям позволить только быть в работниках у казаков, без своих рыболовных заводов.

Прежней оставалось и взимаемая пошлина: с 10 осетров – 5 шт., со 100 стерлядей – 50 шт. И за белую рыбу – одна треть улова. Жир и клей решили не брать из-за трудностей определения у кого и сколько пошло на это рыбы.

Также было решено создать собственную войсковую ватагу, которая будет постоянно занимать самые богатые рыбные участки. Однако войсковая рыбалка принесла в 1823 и 1824 гг. расходы. Как следствие Ватагу распустили. С 1829 г. войсковая ватага рыбаков была восстановлена, а затем и увеличена, рыбу стали ловить в оз. Нор-Зайсан и далее вверх по Иртышу. К 1841 г. войсковой доход от рыбалки достиг более чем 22. тыс. руб. Но такие кратковременные успехи не могли решить проблемы войскового экономического благополучия.

В 1827 г. по просьбе командующего Сибирским корпусом, государь «повелел: отпустить Сибирскому линейному казачьему войску оружие безденежно с доставлением одного на счет войска, ружей – 500, пистолетов – 2500 и сабель – 600». Столь небольшое количество оружия не могло решить проблемы, так как Сибирское войско новым оружием никогда не снабжали, а старое пришло в крайне ветхое состояние. И вновь по ходатайству командира

корпуса государь соизволил повелеть отпустить «1500 гусарских ружей старого образца», 1500 сабель и 1000 пик. Однако, все это нужно было вывозить из арсеналов Тулы, Москвы, С-Петербурга и Ижевского завода. Само бы войско с такой задачей не справилось, так как на перевозку требовалось 7187 руб. 75 копеек. Наконец в мае 1833 г. по предложению военного министра государь император разрешил отпустить войску вместо старых, бывших в употреблении, гусарских ружей, «новые, прежнего конноегерского образца». Оружие с большим трудом доставили по месту назначения. Задержки в решении вопроса можно объяснить одной причиной – отсутствием военной опасности в регионе.

Однако сословных обязанностей с казаков никто не снимал. А у них была и обратная сторона. Занятость казаков на службе тормозило как развитие хозяйства, так и развитие социальных и иных сторон жизни станицы. Например, к 1825 г. относится открытие в Черлаке первой школы. Генерал Капцевич, сибирский губернатор и командующий сибирскими линиями, приказал открыть казачьи школы и всех мальчиков обучать грамоте. Но, для школ не было помещений, не было учителей и учебников. В Черлаке роль учителя выполнял отставной солдат, занятия проводились в наемной избушке. Читать дети учились, как отмечал очевидец, по обрывкам старого романа. Родители с неохотой отпускали детей в школу. Занятия начинались поздно осенью, с окончанием полевых работ, а ранней весной детей забирали из школы.

Еще более сложная ситуация складывалась в Сибирском линейном казачьем войске с медициной. На 1851 г. имелось 5 полковых лазаретов, которые располагались: в станице Пресновской, на 15 кроватей; в станице Атбасарской, на 15 кроватей; в станице Николаевской, на 12 кроватей; в станице Песчаной, на 7 кроватей и в станице Антоньевской, на 15 кроватей. В Черлаке лазарета не имелось.

К середине XIX в. станица Черлаковская была включена в торговые отношения. В конце июля казахи вывозили на продажу в деревни ягоды, жвачку, белую глину в комках, а также кумыс, налитый в кожаные мешки (бурдюки). Обычно возле юрты хозяин натягивал волосяную веревку на колья. К ней привязывали жеребят, в определенное время подгоняли лошадей, которых тут же доили. Наиболее зажиточные казахи вели торговлю скотом. Русские скотопромышленники закупали целые гурты молодняка, откармливали его, а затем отправляли в промышленные центры России. В свою очередь, немалым подспорьем для казаков стало то обстоятельство, что начальник Сибирского таможенного округа, озаботившись поступлением пошлин, исходатайствовал у своего начальства разрешение на производство меновой торговли не только «в самих таможах и заставах», но и в тех местах, «куда только киргизцы будут выходить в большом количестве».

В целом же, можно констатировать, что к началу реформ 1860 гг. в сибирском войске имелось 15 ярмарок. Из ярмарок в Черлаке проводилось Зимняя, с 25 декабря по 1 января - Христоворождественская. Общий объем

привозимых на эту ярмарку товаров оценивался в 43920 руб., а их продажа достигала суммы 33976 рублей.

К этому же времени, все большую роль в торговле и хозяйственном освоении начинает играть река. На протяжении XIX в. Иртыш использовался для сплава грузов сверху вниз по течению с помощью плотов. В 1863 г. тарский кузнец второй гильдии Г.С. Беренс построил пароход под названием «Ура». Именно это судно, мощностью 20 лошадиных сил начало совершать рейсы вверх по Иртышу за солью к Коряковским озерам (позднее здесь вырос г. Павлодар). Именно пароход «Ура», первым появился на Черлаковском плесе. Более широкое использование водного пути отразилось на проведении в Черлаке ярмарок. К концу XIX века они проводились уже два раза в год с 29 июня по 4 июля – Петропавловская, а с 10 по 18 ноября – Покровская .

Стабилизация отношений в степи, втягивание региона во всероссийский рынок, расширение хозяйственной деятельности казаков привело к определенному подъему в развитии Черлака.

С девяностых годов XIX в., особенно с проведением Великого Сибирского железнодорожного пути, жизнь казаков стала заметно изменяться. Посевы хлеба стали производить все без исключения. Получили развитие скотоводство, коневодство и овцеводство. Земли стали обрабатывать заводскими плугами и боронами, укатывать катками, зерна рассеивать разбросанными и дисковыми сеялками, сжинать жнейками-лобогрейками, самосбросками и сноповязалками, обмолачивать молотилками с конными приводами, паровыми и даже нефтяными двигателями. Зерно мололи на паровых мельницах – их стало много. Сено косить стали сенокосилками, и сгребать конными граблями. Если всех земледельческих орудий не имел каждый двор – хозяйство единоличное, то таковые приобретали в складчину 2-3 человека. И успешно обрабатывали свои посевы и покосы.

Надел земли в станице, как и вообще в войске, был общинный. Распашку под посевы производили, кому, где нравится. Но больше придерживались того места, где пахали отец, дед и прадед. Около надела вместе строили заимку (на 3-5 дворов), колодцы.

Сенокосные участки, «горные» и «луговые», по левому берегу Иртыша, были также общинные, размежевывались на урочища. Каждый год, когда подходило время покосов, любой казак или вдова-казачка шли в поселковое или станичное правление, где в заранее приготовленные администрацией листы – «квитки» - по своему желанию записывали свои сенокосные пая. Наделом пахотной земли, сенокосными и лесными – дровяными – паями имели право пользоваться казаки, достигшие 17-летнего возраста – приговорительный разряд – и до смерти. Вдовы-казачки получали 1/2 пая, то же – и их дети-полусироты.

На роспись сенокосных паев станичным сходом устанавливался срок, преимущественно – на ближайшее воскресенье или какой-либо другой праздник. На раздел паев казаки ехали чаще всего верхами, с выпивками и

закусочками; это был своего рода праздник. После раздела начиналась лихорадочная работа по заготовке сена.

В 90-е гг. казаки 2-й и 3-й очередей и казаки приговорительного разряда собирались ежегодно в лагерные – «кампаментные» - сборы на месяц. После сбора, в последний год, молодые казаки весной, в мае месяце, уходили из Омска, общего сборного места, во 2-й полк, расквартированный по границе с Китаем, со штабом в Джаркенте, или Верном.

Уходили походным порядком, расстояние – 1700 верст. Таким же порядком возвращались домой, после 4-х лет службы. «Кампаментные» лагерные сборы на 1 месяц назначались обыкновенно на июнь (по старому стилю), а иногда захватывали и часть июля. Эти сборы казакам в хозяйстве наносили большой ущерб. Одинокие в хозяйстве казаки, а их было немало, не имели возможности к следующему посевному году приготовить земли: распахать целину, что особенно ценно, и приготовить «пар» на старых землях. Поэтому урожай был ниже наполовину. Вследствие этих сборов затягивались и разделы сенокосных паев...

Для ускорения работы созывали «помочи» - в праздники и воскресенья. Собирались родственники, соседи и друзья. По окончании рабочего дня хозяин делал угощение. С появлением сенокосилок и жатвенных машин нужда в «помочах» отпала. Если таковые устраивали, то только в исключительных случаях: болезни или смерти хозяина-казака, по случаю пожара и др. несчастий.

По окончании весенних посевов хлеба и посадки огородов казаки считали необходимым поблагодарить Господа-бога за его помощь. Для этого по общему сговору, приглашали священника, поднимали св. иконы и хоругви и ходили с ними по домам и по полям-пашням, где служили благодарственные и просительные молебны. Хождение продолжалось 3-5 дней. Молились от чистого сердца.

Значительным подспорьем в казачьем хозяйстве было в свободное от полевых работ время хождение «с кладью». Всякие товары, необходимые для потребления населению, нужно было от станций железных дорог или от пристаней и заводов подвозить гужем. Казаки нередко занимались перевозкой товаров купцов, как на местные, так и на дальние ярмарки. Обычно они перевозили: кожи, сало, масло коровье, шерсть, мясо, дикую битую птицу.

С девяностых годов казаки стали развивать молочное хозяйство, улучшать молочный скот. Многие приобрели небольшие сепараторы, а в некоторых станицах образовывались общественные маслодельные заводы, которые давали большую прибыль.

О хозяйственном состоянии казачьих поселений, находящихся на территории сегодняшнего Черлакского района дают представление сведения 1893 г., представленные в таблице №1.

Таблица №1

Хозяйственное состояние казачьих поселений на территории современного Черлакского района в 1893 г.

Селения	Всего дворов	Населения муж., жен.	Лошадей	Кр. рог. скота	Овец	Коз
Черлак	164	499-522	1522	2680	2243	170
Б. Атмас	159	445-456	1030	1916	1801	99
М. Атмас	47	132-128	334	458	651	29
Татарка	101	308-235	1084	1384	720	20
Елизаветинка	91	241-234	468	822	791	34
Изылбашский	125	328-343	611	572	596	13

Приведенные цифры показывают, что от былой отсталости сельского хозяйства сибирских казаков к концу XIX в. не осталось и следа. Как по количеству посевов, так и по количеству скота казаки сравнивались с сибирскими крестьянами. На лицо был количественный рост казачьих хозяйств. Так по сведениям Центрального статистического комитета МВД уже в 1896 г. в Черлаке имелось 187 дворов, была построена церковь Святого Николая Чудотворца, школы (или школа) для мужчин и женщин, почтово-телеграфное отделение, имел место хлебозаготовительный магазин (склады) и 36 лавок на 1033 жителя.

Однако, как скот, так и посевы распределялись крайне неравномерно. Около 20% кулаков сосредотачивали в своих руках более 40% посевов и чуть не половину поголовья скота. Классовое расслоение еще более усиливается к конца XIX в., когда в Сибирь начала прибывать масса переселенцев, поставлявших дешевую рабочую силу для кулацких хозяйств. Многие переселенцы оседали на арендованных казачьих землях. Ранее лежавшие нетронутыми участки распахиваются, арендная плата за землю из года в год росла. Особенно на арендной плате наживаются офицеры и генералы, захватившие огромные пространства общевойсковых земель... И тем не менее последняя четверть XIX века была временем, когда в казачьих станицах еще жили дружно, мирно, взаимно оберегали один другого, как-то: семейный очаг, нравственные устои подрастающих поколений, любовь к ближнему, уважение и почитание старших и особенно своего выборного начальства – поселковых и станичных атаманов, станичных судей и даже писарей станиц.

Вот как описывало Станицы Южного Прииртышья многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», вышедшее в 1903 г. в Санкт-Петербурге.

Четвертая от Омска станица, расположенная уже на территории современного района это поселок Ильинский (Изылбашский). Он резко выделяется среди других своими красивыми, чистенькими домиками, вытянувшимися по обе стороны длинной (версты на две), прямой улицы, в

поселке есть школа и часовня, а также несколько мелочных лавочек; поселок производит впечатление зажиточного селения. Во многих дворах видны косилки, жнейки и др. земледельческие машины и орудия. Следующая станция – большой казачий поселок Соляной на берегу Иртыша, около небольшого горько соленого озера. Здесь около 80-100 домов, расположенных в две-три улицы, начальная школа, мелочная лавочка, питейный дом, пароходная пристань, церкви нет. Из поселка Соляного дорога идет по высоким ярам правого берега Иртыша, за которым широко расстилаются зеленеющие заливные луга так называемого «десятиверстного» пространства, отрезанного в 1865 г. по распоряжению командира сибирских войск генерал-поручика Шпрингера (вдоль всего Иртыша от Омска до Усть-Каменогорска и теперешней железной дороги). Эта территория в указанный период находилась в пользовании казаков; по левую сторону дороги расстилалась ровная степь; березовые рощи отодвигаются от дороги влево и темнеют на горизонте.

Станица Черлаковская (1720 г.) находящаяся в 26 верстах от Соляного – один из главных форпостов, связывавших Омск с Ямышевской и Семипалатинской крепостями. Никаких следов укрепления к настоящему времени здесь не сохранилось. В станице около 400 домов (несколько улиц), деревянная церковь, мужская и женская школы, станичное правление, почтово-телеграфное отделение, около шести лавок. В Черлаковской есть пароходная пристань. В конце июня здесь происходит Петровская ярмарка; преобладающий товар – масло, кожи и вообще сырые животные продукты. Ст. Черлаковская лежит на высоком берегу Иртыша: вблизи есть березовые рощи. Далее по дороге к поселку Большому Атмасу, лежащему приблизительно на половине пути между Черлаковской и следующей станицей пос. Татарским, леса еще более отходят на восток, а немного далее исчезают совсем из виду. Местность начинает принимать чисто степной характер (сухая полынная степь). Местами дорога идет по пескам, сильно затрудняющим езду, удаляясь от Иртыша версты на 2-3. В стороне появляются курганы (обыкновенно изрытые); к югу они становятся все чаще и чаще.

Поселок Татарский (26 верст от Черлаковской), имеющий домов 40-50, школу и часовню, лежит на берегу Иртыша в совершенно безлесной, открытой степи. За поселком Татарским и немного дальше поселка Крутоярский тракт выходит из пределов Омского уезда Акмолинской области и вступает в Павлодарский уезд Семипалатинской области.

Вот этими строками мы заключим век XIX. Можно было бы назвать его переломным в истории казачьих станиц. За истекшие годы они из укреплений стали хозяйственными единицами, местом развития земледелия, скотоводства, торговли. Втягивание в общий рынок существенно изменило жизнь казаков. Однако покой, и определенный достаток были недолговременны. В недрах империи вызревали процессы, которые коренным образом изменяют жизненный уклад казачьих станиц.

Список литературы:

Андреев С.М. И рыбу ловили, и мед гнали. //Земля Сибирская, Дальневосточная. – 1995. – № 9 – 10. С. 17 – 19.

Андреев С.М. Наделы офицеров: миф или реальность. //Земля Сибирская, Дальневосточная. – 1995. – № 9 – 10. С. 23 – 27.

Голубев И.С. Села, рабочие поселки и города Омской области. – Омск, 1970. – С. 31 – 35.

Жуков Иван. Станица Ачаирская. //Земля Сибирская, Дальневосточная. – 1995. – № 9 – 10. С. 20 – 22.

Маслацов Б. Черлак дореволюционный. //Коммунист. – 1966. – 19 октября.

Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725 – 1861 гг.): Монография в 2-х томах. Том I. – Омск, 2001. – 428 с.

Недбай Ю.Г. Сибирское казачье войско. Книга 3. (1846 – 1861). – Омск, 2004. – 398 с.

Седельников А.Н., Белоногов Т.П., Столянский П.Н. Восточная часть Киргизского края// Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – Спб, 1903. Т. 18. – 343 – 435, 380 – 381.